

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ)

Михайленко В. И.^а, Мамин Н. В.^а

^а Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Актуальность. В постпандемический период происходит не только восстановление связей, но и переформатирование глобальных цепочек под влиянием большей, чем прежде, политической конъюнктуры. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить и обосновать влияние соперничества между США и Китаем в Юго-Восточной Азии на переформатирование глобальных цепочек, определить возможности использования сторонами «френдшоринга», «круга друзей» и др. инструментов как завуалированной формы политического давления и его влияния на релокацию и переориентирование глобальных цепочек, установить связь между эффективностью и устойчивостью осуществленных мероприятий, их воздействие на региональную экономику.

Методы и методология. Применяется ряд междисциплинарных подходов: теории интеграции и регионализации, секьюритизации и др. Опираясь на эти подходы, авторы пытаются представить комплексный взгляд на экономические и политические процессы в регионе, их взаимосвязь и специфику в постпандемический период. Обращается внимание на «переливание» политических решений в сферу экономики, на то, как это сказывается на торговых и производственных цепочках и как региональные экономики пытаются ответить на новые вызовы.

Результаты. За несколько лет пандемии выявилась проблема ненадежности поставок чипов. В предшествующий период произошло смещение производства на предприятия Юго-Восточной Азии. 9 августа 2022 г. принимается Закон о чипах и науке США с целью довести долю производства полупроводников к 2030 г. до 30 % мирового производства. США декларируют ограничение торговли комплектующими странами, вызывающими доверие (френдшоринг). Китай выдвигает «Инициативу глобальной безопасности» (апрель 2022 г.), где подчеркивает приверженность «открытой мировой экономике», «обеспечение устойчивости глобальных производственно-поставочных цепочек». Китай планирует увеличить свои литейные мощности с 15 % в 2020 г. до 24 % к 2030 г. Страны Юго-Восточной Азии используют региональную интеграцию для того, чтобы отстаивать национальные интересы перед давлением со стороны соперничающих между собой США и Китаем.

Выводы и обсуждение. Пандемия, безусловно, повлияла на переформатирование глобальных цепочек производства и поставок. Тенденция в пользу устойчивости в ущерб эффективности будет развиваться. Этот процесс не является линейным и корректируется национальными интересами как глобальных акторов, так и государств Юго-Восточной Азии, которые через региональную интеграцию, *minilateralism* и др. формы управления цепочками производства и поставок будут отстаивать собственные интересы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Юго-Восточная Азия, постпандемическое восстановление, экономическая интеграция, регионализм, глобальные цепочки поставок, США, Китай.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Михайленко В. И., Мамин Н. В. Региональная экономическая интеграция в пост-пандемический период (на примере Юго-Восточной Азии) // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 3. С. 32-44. EDN IVJQAL. DOI 10.22394/2304-3369-2023-3-32-44.

■ ВВЕДЕНИЕ

Пандемия COVID-19 стала серьезным испытанием устойчивости экономик во всем мире. Прежде всего, она обнажила уязвимые места в «глобальных цепочках поставок» (англ. *global supply chains, GVCs*), которые привели к неравномерным сбоям в некоторых сферах производства и потребления. На этапе спада пандемии последствия разрыва GVCs привели к падению импорта и экспорта на 25 % во всем мире. Самыми уязвимыми в период пандемии оказались страны с низким уровнем дохода [1]. Отчасти это было связано с тем, что глобальные и крупные региональные акторы стали больше внимания уделять геополитическим рискам. Чтобы справиться с хрупкостью систем снабжения, возникшей в последние несколько лет, и с неопределенностями, связанными с политическими кризисами, которые сотрясают большую часть мира, многие компании и правительства предприняли альтернативные пути к децентрализации, чтобы гарантировать большую близость в снабжении, необходимым для удовлетворения потребностей¹.

Кризис также показал, что, несмотря на относительную открытость рынков Юго-Восточной Азии (ЮВА), их регионализация и интеграция в глобальные производственно-сбытовые цепочки, сбои в этих глобальных производственно-сбытовых цепочках могут повлиять на конкретные основные продукты и ресурсы, которые особенно важны для обществ и экономик стран региона. На это обратил внимание А. Рогожин, который исследовал влияние пандемии на состояние операций по слиянию и поглощению в сельском хозяйстве и производстве потребительских товаров в ЮВА [2].

Постпандемический экономический порядок в ЮВА отмечен обострением технологической конкуренции, особенно в цифровой сфере, между США и Китаем. В противостояние между этими глобальными акторами все более втягиваются, как в воронку, другие глобальные и региональные игроки.

Есть основания прогнозировать, что выход из кризиса великие и малые государства будут искать не в мобилизации глобальных интересов, как это было раньше. Вместо этого отдельные страны и многосторонние международные институты в значительной степени будут отвлечены на политизацию своей деятельности. В связи с этим представляется важным определить, куда склоняются и где находятся современные и возможные будущие стратегические интересы и зависимости стран региона и как могут отразиться на них меры, которые предпринимают глобальные и региональные акторы в постпандемический период. Кроме того, можно прогнозировать нарастание глобального противостояния между государствами, ориентирующимися на западные демократии, и авторитарными антизападными государствами, и стремление каждой из сторон расширять собственные зоны политического и экономического влияния в регионах².

В современной ЮВА процессы экономической интеграции сочетаются с политическими процессами и региональной безопасностью. Как обоснованно отмечает В. Регновский, наибольшую угрозу региональной безопасности представляет военно-политическая и экономическая борьба великих глобальных и региональных держав [3].

■ МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

В обосновании особенностей региональных процессов в ЮВА авторы опираются на теоретические подходы А. Ачария [4]. Он утверждает, что для Азии применим иной тип регионального порядка безопасности, который отличается как от европейского, так и от конфуцианского подхода и представляет собой «консоциативный порядок безопасности» (англ. *consociational security order*) [4]. Речь идет о состоянии стабильности, при котором система сохраняет свои основные характеристики, и ни одно государство не становится гегемоном, и большая часть самостоятельных сообществ сохраняется. С позиций отдельно взятого государства это озна-

¹ Liberatore F. Quale «shoring» per le imprese? // Istituto per gli Studi di Politica Internazionale. February 3, 2023. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/quale-shoring-per-le-imprese-111169> (accessed 03.02.2023).

² Regional economic integration in the post-pandemic era / Ed. by Xue Gong. RSIS monograph No 37. August 2022, p. 5.

чает возможность сохранения территориальной целостности и политической независимости без существенных рисков быть втянутым в «войну на выживание» [4]. Значительное число стран ЮВА относятся к *Middle Power*, для которых политика выживания осуществляется с использованием инструментов «бамбуковой» дипломатии, «мягкого балансирования» и хеджирования [5–7]. Среди побудительных мотивов интеграции, особенно в области безопасности, отмечается стратегия выживания, страх перед другими государствами или объединенной мощью [8].

Принимая во внимание особенности азиатского регионализма, обратимся в ограниченном объеме к использованию теорий европейской интеграции. Например, функционализм обращает нас к ограниченному пространству «низовой политики» созданию сетей технического и экономического сотрудничества, которые незначительно затрагивают государственный суверенитет³, что особенно актуально для азиатских регионов. Уместным выглядит и концепция диверсифицированной интеграции, берущая начало в межправительственном подходе. Дифференцированная интеграция представляет собой особый институциональный дизайн, помогающий выйти из тупика переговоров, вызванного растущей неоднородностью государств-членов, их политических предпочтений, возможностей и зависимостей [9]. В ЮВА одновременно действуют, пересекаясь друг с другом десятки региональных объединений различного профиля. Поэтому логичным является обращение к концепции *overlapping* (накладывания) интеграционных сущностей.

Опираясь на использованные в данной работе теоретико-методологические подходы, авторы пытаются осуществить комплексное исследование экономических и политических процессов в регионе, выявить их взаимосвязь и специфику в постпандемический период, прежде всего, обратить внимание на «переливание» политических решений в сферу экономики и на то, как это сказывается на торговых и производственных цепочках, а также выявить реакцию на новые вызовы региональных экономик.

³ Börzel T. A. Comparative Regionalism: A New Research Agenda. Free University of Berlin. August 2011. URL: https://www.sfb-governance.de/en/publikationen/other-Working-Paper/B2_Boerzel_Comparative-Regionalism-A-New-Research-Area/index.html (accessed 10. 05.2020).

Авторы принимают в расчет политическое значение дискуссии, которая продолжается в научном и геополитическом пространстве относительно противопоставления понятий «Юго-Восточная Азия», «Азиатско-Тихоокеанский регион» и «Индо-Тихоокеанский регион» [10; 11]. В данной статье ставятся задачи выявить последствия влияния пандемии на интеграционные процессы в регионе ЮВА и определить предпринимаемые в регионе меры и экономические инструменты с целью активизировать экономическую интеграцию в постпандемический период, восстановить или переформатировать региональные торговые и производственные цепочки.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Деглобализация или политически ангажированная интеграция. В постпандемический период ряд факторов оказывают влияние на состояние глобальной и региональной экономики. Это собственно влияние и последствия самой пандемии, эффективно организованную борьбу с которой авторитарные антизападные режимы стремятся представить как превосходство их политических режимов над либерально-демократическими. Это усилило политическую и идеологическую составляющие в соперничестве США и Китая в регионе. В результате объявленных антироссийских санкций происходит переориентация России на азиатские рынки. После перенаправления российской нефти в Азию закупки Китаем энергоресурсов у России выросли почти на 41 % с 41 млрд долларов в 2021 г. до 68 млрд долларов к декабрю 2022 г. Россия стала главным поставщиком сырой нефти в Индию (до 22 % импорта). Тем не менее для серьезного влияния на азиатские рынки Россия пока не имеет развитой логистики поставок энергоресурсов. В течение пяти лет продвижения администрацией Трампа свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона и конкретизация этой политики администрацией Байдена привели к созданию новых барьеров на пути азиатских амбиций России. Особенно чувствительным для России стало вовлечение стратегического партнера Индии в американские проекты противодействия Китаю¹.

Другие важные игроки также демонстрируют как приверженность выбранным стратегиям, так и адаптацию к новым условиям. Так, Япония сделала ставку на сетевые типы органи-

зации экономических связей со странами региона [12]. Европейский союз (ЕС) выделил ряд ключевых областей, которые рассматриваются в качестве стратегических, а именно: сырье, батареи, активные фармацевтические ингредиенты, водород, полупроводники, а также облачные и периферийные технологии. ЕС определил происхождение стратегических зависимостей и их влияние, а также соответствующие политические инструменты, которые необходимо использовать в этом случае⁴.

В новых условиях понятия *reshoring*, *nearshoring*, *friendshoring* и *onshoring*⁵ оказались в центре дискуссий политиков и деловых людей относительно путей и инструментов выхода из постпандемического кризиса¹. Сам по себе рещоринг не представляется уникальным явлением, как результат пандемии COVID-19. Так, в США, начиная с 2010 г., фиксируется устойчивая тенденция по наращиванию рабочих мест, созданных в рамках рещоринга и привлеченных прямых инвестиций (в 2017 г. порядка 180 тыс.) [13]. В 2014 г. Еврокомиссия дала старт амбициозному проекту рещоринга с целью «возрождения промышленности», в числе факторов, способствующих возвращению компаний в юрисдикцию ЕС, исследователи выделяют низкую процентную ставку европейского денежного рынка и низкую цену электроэнергии промышленного потребления [14]. Ожидается рещоринг и в стратегически важных секторах экономики, которые показали свою уязвимость в результате пандемии. Следует отметить, что чрезмерная локализация производств может негативно сказаться на устойчивости глобальных стоимостных цепочек, снизив их структурную гибкость и разнообразие источников поставок [15].

В апреле 2022 г. министр финансов США Джанет Йеллен выступила с важной речью в Атлантическом совете, в которой призвала к восстановлению мирового экономического порядка. Политики и деловые люди обратили внимание

на использование министром понятия *friendshoring*, под которым подразумевалось ограничение внешней торговли ключевыми комплексами исключительно теми странами, которые вызывают доверие. Объяснялось это снижением рисков для производственных цепочек, от которых зависят США и их партнеры⁶. 8 февраля 2023 г. президент Байден подтвердил промышленную политику США, нацеленную на то, чтобы «строить больше и строить здесь»⁷.

Как предостерегает бывший директор Резервного банка Индии, профессор Чикагского университета Рагурам С. Раджан, «опасную угрозу представляет собой возродившийся протекционизм, прикрываемый и усиливаемый новым геополитическим соперничеством... Если любые грядущие решения о френдшоринге будут применяться к таким широким категориям товаров и услуг, они окажут убийственное влияние на международную торговлю»⁸. К каким последствиям может привести подобный избирательный подход? Сложившиеся современные глобальные производственные цепочки стали возможными благодаря многолетней работе по снижению пошлин, транспортных и коммуникационных издержек и позволили компаниям производить товары там, где это дешевле всего. Это привело к удешевлению производимой в странах с наименьшими затратами более дешевой продукции. «По мере того как работники осваивают новые профессиональные навыки, производители в развивающихся странах повышают сложность производственных процессов, поднимаясь вверх в цепочке создания стоимости»⁸.

По существу, *friendshoring* является завуалированной формой протекционизма, политической лояльности, политического шантажа, применяется в противоборстве США и его союзников против Китая. Это ставит малые и средние страны ЮВА перед выбором и затрудняет им возможность использования политики хеджинга.

⁴ Commission Staff Working, Strategic dependencies and capacities SWD (2021) 352 final // European Commission, May 5, 2021. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2021-05/swd-strategic-dependencies-capacities_en.pdf (accessed 04.02.2023).

⁵ *Reshoring* – процесс возвращения в страну производства, ранее перенесенного за рубеж в страны с менее низкими издержками производства; *nearshoring* – перевод, хотя бы частичный, производства и поставок сырья в соседние страны; *friendshoring* – перевод, хотя бы частичный, производства и закупок компонентов и сырья в группу стран с общими ценностями; *onshoring* – возвращение производства в страну.

⁶ Remarks by Secretary of the Treasury Janet L. Yellen on Way Forward for the Global Economy // U.S. Department of the Treasury, April 13, 2022. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0714> (accessed 03.02.2023).

⁷ Full Transcript of Biden's State of the Union Address // The New York Times, February 8, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/02/08/us/politics/biden-state-of-the-union-transcript.html> (accessed 22.02.2023).

⁸ Rajan, Raghuram G. Just Say No to "Friend-Shoring" // Project Syndicate, June 3, 2022. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/friend-shoring-higher-costs-and-more-conflict-without-resilience-by-raghuram-rajan-2022-06/russian> (accessed 03.02.2023).

Однако не все так однозначно оценивается региональными аналитиками. В докладе, подготовленном школой международных исследований им. С. Раджаратнама Наньянского Технологического Университета (англ. *S. Rajaratnam School of International Studies Nanyang Technological University*), прогнозируется, что стратегическая конкуренция между США и Китаем может стать благом для компаний ЮВА, поскольку они стремятся укрепить свои экономические связи с регионом. В связи с этим, подчеркивается в докладе, «крайне важно, чтобы правительства приняли смягчающую политику или технологические и финансовые решения, которые помогут преобразовать отдельные экономики и экономики в целом в регионе». «Развязывать торговую войну или использовать субсидии для поощрения рещоринга является делом необязательным и вредным», – заключается в докладе².

Дискуссии относительно влияния торговой войны между США и Китаем усиливаются по мере роста внутриазиатской торговли. На самом деле повестка соперничества значительно шире. Мы являемся свидетелями конкуренции моделей развития, которые продвигаются в Азии: с одной стороны, Китаем, а с другой – США и их союзниками.

Соединенные Штаты Америки. С приходом администрации Байдена к власти, который сделал ставку на противодействие китайскому влиянию в Индо-Тихоокеанском регионе, соперничество между двумя великими державами в регионе стало возрастать [16]. Одним из полей сражения стали цепочки производства чипов. Полупроводники являются ключевым компонентом всех электронных устройств – от ноутбуков до мобильных телефонов, стиральных машин и автомобилей. Они являются важной частью разработки сетей 5G и искусственного интеллекта. Доля США в мировом производстве полупроводников упала с 37 % в 1990 г. до 12 % в 2020 г. Смещение производства произошло на предприятия ЮВА. Строительство и эксплуатация производственного предприятия полупроводников в течение 10 лет в США на 30 % дороже, чем в Тайване, Сингапуре или Южной Корее, и на 37–50 % дороже, чем в Китае⁹. Сбои в це-

почке поставок за несколько лет пандемии поставили вопрос о необходимости надежных поставок чипов. Существенно на глобальную цепочку поставок чипов повлияла геополитическая напряженность между Китаем и Тайванем. Необходимо учитывать, что Тайвань производит 90 % полупроводников, используемых высокотехнологичными компаниями США. Вашингтон учитывает политику Пекина «одного Китая» и стремление китайского правительства увеличить литейные мощности по производству чипов с 15 % в 2020 г. до 24 % к 2030 г.⁹

9 августа 2022 г. президент Байден подписал Закон о чипах и науке (*CHIPS and Science Act of 2022*) с объемом финансирования в 280 млрд долларов. Из них около 78 млрд планируется направить на исследования и производство в полупроводниковой промышленности США до 2027 г. США рассчитывают довести собственную долю производства полупроводников к 2030 г. до 30 % мирового производства⁹.

Но объявленная США политика *friendshoring* – это дорога с двусторонним движением. На фоне торговой напряженности между США и Китаем заказы тайваньским производителям из Китая и Гонконга упали на 45,9 %. Вместе с ними Япония и Южная Корея также ощущают, насколько дорого становится поддерживать США в качестве союзника в условиях экономического подъема Китая. На данный момент ведущими производителями полупроводников являются *Taiwan Semiconductor Manufacturing Company* (TSMC) и *Samsung*. Первая занимает 54 % мирового рынка, вторая – 17 %¹⁰. Президент Байден договорился с руководствами Японии и Нидерландов об ограничении экспорта в Китай некоторых передовых технологий производства микросхем. Согласно мнению аналитиков, это приведет к негативным последствиям для ряда технологических гигантов Японии. «Тайвань особенно подвержен капризам глобального сектора электроники, учитывая его ключевую роль в глобальных цепочках поставок технологий»¹⁰. На сегодняшний день полупроводники являются также крупнейшим источником дохода для экономики Южной Кореи, а Китай – важнейшим покупателем корейских полупроводников.

⁹ The CHIPS and Science Act of 2022 and the U.S. Semiconductor Industry // Regions Bank. August 2022. URL: <https://www.regions.com/-/media/pdfs/wealth-management/CHIPS-and-Science-Act.pdf> (accessed 15.02.2023).

¹⁰ Pesek W. US-China Fight Puts Taiwan's Economy in A Firing Line // MENAFN- Asia Times. February 22, 2023. URL: <https://menafn.com/1105614117/US-China-Fight-Puts-Taiwans-Economy-In-A-Firing-Line> (accessed 24.02.2023).

Сокращение корейского экспорта полупроводников в Китай при сужении американского рынка ставит союзников США в Сеуле, Тайбэе и Токио в затруднительное положение. Как отмечает У. Песек, азиатским государствам, несмотря на их лояльность США и озабоченность поддержанием безопасности, необходимо найти «способ сосуществования, в условиях, когда две крупнейшие мировые экономики находятся в ссоре»¹⁰. Остается уповать на то, что американское руководство выполнит обещания относительно приглашения своим азиатским союзникам инвестировать в расширение производства полупроводников на территории США¹⁰.

Китайская Народная Республика. С приходом к руководству Си Цзиньпина в марте 2013 г. Китай сосредоточился на расширении своего «круга друзей» (中国的“朋友圈” – Zhōngguó de “réngyǒu quān”). Китай готов был предложить свои инициативы в области торговли и связи с любой страной, включая союзников США. С начала президентства Си Цзиньпина активность Китая в ЮВА быстро росла. В отличие от концепции «альянсов», китайская дипломатия с 2016 г. особенно активно развивает сеть партнерских отношений, воспользовавшись выходом администрации Трампа из нескольких многосторонних организаций. Опираясь на «круг друзей», Китай стремится перестроить систему глобального управления по типу внутреннего управления в стране. Несколько факторов могут оказывать влияние на перестройку глобальных торговых, экономических и инвестиционных отношений и производственных цепочек, включая влияние пандемии, размах и глубину санкций, соперничество. Китай более активно стремится продвигать альтернативные стандарты и нормы в сферах финансов, логистики, информационных технологий [17, 18].

Ведущее положение Китая как в цифровой, так и в физической инфраструктуре создало естественное экономическое партнерство с ЮВА, представляющей собой обширный резерв молодых работников, которые заменят стареющую и сокращающуюся промышленную рабочую силу Китая. Китайская цифровая инфраструктура является ключевым фактором в растущих экономических отношениях. В 2020 г. Китай экспортировал в страны-члены Ассоциации государств ЮВА (АСЕАН) почти вдвое больше, чем в развивающую Азию (Японию, Тайвань и Южную Корею)¹¹.

Несмотря на лидирующие позиции Китая в торговле ЮВА, американские и европейские инвесторы доминируют в прямых иностранных инвестициях в регионе. В 2021 г. китайские прямые инвестиции в регион составили всего 13 миллиардов долларов по сравнению с 40 миллиардами долларов США и 27 миллиардами долларов ЕС¹¹. Похоже, что Китай меньше заинтересован в получении контроля над региональными активами, чем в торговле. Страны ЮВА трепетно относятся к национальному суверенитету и не желают уступать право собственности на критически важные активы своему северному экономическому гиганту. Тем не менее не следует недооценивать попытки Китая установить контроль над стратегически важными ресурсами. К примеру, по расчетам швейцарского UBS AG, к 2025 г. Китай сможет контролировать треть мировой добычи лития¹².

Пекин использует формы двусмысленности, учитывая, что его сеть партнерств может и должна включать союзников США, когда это возможно, даже при условии, что некоторые из них испытывают двусторонние трения с Китаем. В июле 2017 г. член Госсовета Ян Цзечи прямо упомянул о создании «глобальной сети партнерских отношений» и о том, что, по его словам, «круг друзей Китая уже охватил весь мир».

В конце 2020 г., незадолго до вступления в должность новой администрации Байдена, Китай вместе с другими странами региона настаивал на окончательном подписании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), соглашения о свободной торговле с участием 15 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, что само по себе представляет собой важный шаг в развитии Китая своей сети партнерских отношений. Тот факт, что некоторые члены ВРЭП (например, Австралия) имеют дипломатические и политические трения с Китаем, не является проблемой для Пекина. Как противник существующего международного порядка, Китай стремится предложить свои инициативы в области торговли и установления связей лю-

¹¹ Goldman D.A. Digital infrastructure propels new SE Asian Tigers. China's trade with Southeast Asia drives a world-beating economic boom // Asia Times. February 5, 2023. URL: <https://asiatimes.com/2023/02/digital-infrastructure-propels-new-se-asian-tigers/> (accessed 10.02.2023).

¹² China Could Control a Third of The World's Lithium by 2025 // Bloomberg. March 13, 2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-03-13/china-could-control-a-third-of-the-world-s-lithium-by-2025> (accessed 14.03.2023).

бой стране, включая союзников США. В то время как Вашингтон ожидает, что некоторые из его союзников прояснят свою позицию в отношении инициатив Китая (например, развитие сети 5G) и поведения (относительно нарушения прав человека в Гонконге и др.).

В первые годы мандата Си Цзиньпина Китай способствовал установлению «нового типа партнерства в области безопасности» в Азии. Эта концепция оставалась незамеченной и с тех пор была скорректирована, но она предшествовала концепции «Индо-Тихоокеанского региона». В июне 2021 г. Си Цзиньпин подчеркнул необходимость повышения привлекательности и эффективности международного общения страны и расширения круга друзей, понимающих Китай. В апреле 2022 г. на Боаоском азиатском форуме президент Китая упомянул о новой «Инициативе глобальной безопасности» (*Global Security Initiative*), которая будет открыта для всех стран. Председатель КНР подтвердил приверженность страны «к формированию открытой мировой экономики в соответствии с тенденциями экономической глобализации, активизации работ по координации макроэкономических политик, обеспечению устойчивости глобальных производственно-поставочных цепочек с помощью технологичных драйверов»¹³.

Китайское руководство открыто выступает против концепции «альянсов» и не планирует подписывать какие-либо договоры о союзе или строить отношения, подобные союзу, с кем-либо из своих партнеров. Одним из каналов, через который Пекин продвигает свою международную сеть партнерств, является инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) – масштабный глобальный инфраструктурный проект, представленный Китаем осенью 2013 г. С момента запуска ОПОП Китай лоббировал подписание меморандумов о взаимопонимании, которые охватывают различные области и не имеют обязательной юридической силы, а также организовал «Форумы одного пояса и одного пути» [17].

В развитие этой инициативы Китай запустил ряд небольших институциональных инициатив, направленных на постепенное формирование новой архитектуры безопасности. Он ин-

вестирует в существующие региональные институты и механизмы, такие как встречи с центральной ролью АСЕАН (*ASEAN-centered meetings*, ARF, ADMM+ и др.), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) или менее влиятельное Соповещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (*Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia*). Китай также пытался усилить ряд неформальных региональных форумов по безопасности, созданных им в течение предыдущего десятилетия, таких как Сяншаньский форум (*Xiangshan Forum*), который можно рассматривать как альтернативу диалогу Шангри-Ла (*Shangri-La Dialogue*), а также другие региональные форумы [17].

В данный момент представляются нереалистичными попытки Китая потеснить гегемонию США в регионе. Однако Китай продолжает проводить гибкую и многоуровневую собственную коалиционную политику в регионе, включая экономическое и технологическое партнерство. Некоторые страны, имеющие прочные отношения в сфере безопасности с США, продолжают поддерживать устойчивые экономические связи с Китаем, например, Южная Корея. Так и несколько стран АСЕАН, которые являются партнерами США, остаются относительно открытыми для технологических инвестиций Китая [19].

Для осуществления более эффективной политики в регионе Китай должен предпринять меры по смягчению собственной протекционистской политики. Протекционистские меры, предпринятые китайским руководством в период пандемии, привели к репутационным издержкам для Китая. Как отмечает Диана Чойлева, эксперт по китайской экономике и политике, предполагается, что весной 2023 г. экономика Китая восстановится после спада, вызванного COVID. Тем не менее степень восстановления и то, какой импульс это будет означать для торговых партнеров Китая, зависит от степени, в которой Пекин готов бороться со своим внутренним протекционизмом. Новый план Китая по созданию единого национального рынка направлен на устранение внутренних рыночных барьеров. Это стандартизирует доступ к рынку, улучшит связанность рыночной инфраструктуры и поможет создать справедливую и прозрачную бизнес-среду. План был конкретизирован в апреле 2022 г., но вскоре омрачен драматиче-

¹³ Полный текст речи председателя КНР Си Цзиньпина на церемонии открытия ежегодного совещания Боаоского азиатского форума 2022 года // Xinhua News Agency. 2022. 21 апреля. URL: <https://russian.news.cn/20220421/b9636a7570754147aca06d32e1d3a991/c.html> (дата обращения: 13.03.2022).

ской и в конечном итоге тщетной попыткой Пекина удержать COVID-19 под контролем. Вместе с тем Д. Чойлева прогнозирует, что политика китайского руководства будет направлена на то, чтобы «государственный сектор вышел победителем в процессе открытия рынка»¹⁴.

Как это отразится на политике Китая и его отношениях с глобальными и региональными акторами в ЮВА? В мае 2015 г. КПК приняла национальный стратегический план промышленной политики «Сделано в Китае 2025», который был продлен до 2035 г. Целями плана являлось уменьшение зависимости Китая от импорта иностранных технологий, создание современной конкурентоспособной высокотехнологичной продукции и интеграция в глобальные производственные цепочки¹⁵. В марте 2016 г. на азиатском форуме китайский премьер Ли Кэцян заявил, что модель роста КНР, основанная на инновациях, должна применяться во всей Азии¹⁶.

В целом, китайский экспорт на Глобальный Юг, включая АСЕАН, Африку и Латинскую Америку, почти удвоился по сравнению с уровнями, существовавшими до пандемии, до годового уровня около 900 миллиардов долларов в 2022 г., что почти вдвое превышает экспорт Китая в США или ЕС¹¹. Несмотря на падение китайского экспорта в 2022 на 19 % в США и на 17 % в ЕС, произошел его рост в страны ЮВА на 20 % в том же году¹¹.

Индия, региональный конкурент Китая, остается относительно небольшим рынком для Китая по сравнению с ЮВА, с общим объемом экспорта около 120 миллиардов долларов в 2022 г. Лидирующее положение Китая в цифровой инфраструктуре является решающим преимуществом в торговле с АСЕАН. Стратегия Китая сосредоточена на создании будущих рынков для своей продукции за счет предоставления широкополосной связи, облачных вычислений и обучения для стран ЮВА¹¹.

¹⁴ Choyleva D. China's growth revival will depend on internal market reforms // NikkeiAsia. February 23, 2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/China-s-growth-revival-will-depend-on-internal-market-reforms> (accessed 24.02.2023).

¹⁵ Made in China 2025: Backgrounder // Institute for Security & Development Policy. June 2018. URL: <https://isdsp.eu/content/uploads/2018/06/Made-in-China-Backgrounder.pdf> (accessed 23.02.2023).

¹⁶ Premier: Innovation is the path for Asia // The State Council the People's Republic of China. March 24, 2016. URL: https://english.www.gov.cn/premier/video/2016/03/24/content_281475313903080.htm (accessed 23.02.2023).

Huawei Technologies, ведущий китайский поставщик широкополосной инфраструктуры, вложил значительные средства в обучение в регионе, в том числе через совместное предприятие Фонда АСЕАН и академию Huawei АСЕАН, созданную в 2021 г. Huawei и, в меньшей степени, ZTE. Они успешно зарекомендовали себя как надежные поставщики кибербезопасности для правительства Индонезии и индонезийского общества. Это было важное достижение китайцев, учитывая историческую враждебность Индонезии к Китаю. Huawei реализует в Таиланде проект вместе с Министерством цифровой экономики Таиланда, чтобы открыть «Таиландский инновационный центр экосистемы 5G». В октябре 2022 г. Huawei выпустила информационный документ под названием «Малайзия как цифровая столица АСЕАН». При ВВП на душу населения, составляющем всего 5760 долларов США, АСЕАН имеет огромные возможности для роста, поскольку физическая инфраструктура и цифровая связь позволяют создавать новые отрасли¹¹.

■ ВЫВОДЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Пандемия внесла новые акценты в экономическую и политическую динамику в ЮВА. Она обострила соперничество между глобальными акторами США и Китаем в регионе. Как результат постпандемического синдрома, соперничество временно вывело на первый план реорганизацию производственно-сбытовых цепочек. Но на кону находится регион с населением 700 млн. человек с растущим потреблением, быстрым технологическим обновлением и, по прогнозам, самыми высокими темпами экономического развития в ближайшие годы. Появление новых азиатских тигров может стать самым важным макроэкономическим событием следующих двух десятилетий¹¹.

Каждый из глобальных соперников стремится использовать свои сильные стороны и ослабить влияние оппонента в регионе, используя его уязвимые места. США рассматривают Китай как основного геополитического соперника/противника в регионе. Американская политика противодействия Китаю напоминает многослойный пирог, включающий военные, экономические, технологические, политические, идеологические меры.

Администрация Байдена представила свои отношения с Китаем как долгосрочное сопер-

ничество между демократиями и автократиями, в котором нельзя допустить, чтобы последние одержали верх¹⁷. Главный лейтмотив политики США сводится к переформатированию региона под лозунгом противостояния между государствами, ориентирующимися на западные демократии, и авторитарными антизападными государствами. Как следствие, администрация Байдена использует альянсы и партнерства США в Индо-Тихоокеанском регионе для формирования операционной среды против Китая, включая запуск новых механизмов, таких как AUKUS и Индо-Тихоокеанская экономическая структура (IPEF). США не только продолжили экономические и технологические ограничения Китая эпохи Трампа, но и повысили ставки, расширив список подпадающих под санкции китайских компаний/лиц и введя новые ограничения, направленные на то, чтобы лишить Китай доступа к инструментам, необходимым для производства передовых технологий¹⁸.

Китай считает утверждения о «конкуренции» навязанными ему администрацией США и несправедливыми. Глава Китая Си Цзиньпин пытается убедить США, что «так называемый нарратив «демократия против авторитаризма» не является определяющей чертой сегодняшнего мира»¹⁷.

Независимо от того, какая из стратегических линий (конфронтации или поисков компромисса) победит в китайском руководстве, аналитики полагают, что у «Китая нет другого выбора, кроме как удвоить усилия, чтобы стать более самостоятельным в ключевых экономических и технологических секторах»¹⁷. Взаимосвязь двух самых больших экономик мира оставляют шанс на поиски компромиссов. Новый глава Государственного совета Ли Цян в своей программной речи обратил внимание на то, что «экономика США и Китая сильно интегрированы, и мы оба извлекаем выгоду из развития друг друга». В 2022 г. двусторонняя торговля между Китаем и США достигла рекордного уровня. Экспорт США в Китай вырос на 1,6 % и достиг 153,8 млрд долларов США. Импорт США из Китая увеличился на 6,4 % и составил 536,8 млрд долларов

США, почти вернувшись к уровню до начала торговой войны в 538,5 млрд. долларов США в 2018 г. Дефицит торгового баланса США с Китаем вырос на 8,3 % до 382,9 млрд долларов США в 2022 г. по сравнению с предшествующим годом. В 2022 г. США инвестировали в Китай 30,1 млрд долларов США. Бюро промышленности и безопасности США одобрило продажу критических американских технологий Китаю, в том числе посредством лицензий на сумму 60 миллиардов долларов США телекоммуникационному гиганту Huawei Technologies и на 40 миллиардов долларов США производителю микросхем SMIC¹⁹.

При анализе расстановки сил в ЮВА необходимо учитывать национальные интересы средних и малых государств региона, которые стремятся избежать чрезмерной зависимости от глобальных игроков, объединяясь в региональные блоки. К примеру, АСЕАН заключает многосторонние соглашения, в том числе с великими державами от имени своих членов. Исследователь Е. В. Колдунова полагает, что многосторонние региональные институты пока поддерживают достаточную степень суверенности в реагировании на вызовы со стороны глобальных акторов в регионе [20]. Тот же автор выделяет особую роль Японии в регионе, которая пытается стать «наиболее предпочтительной третьей силой» в условиях обострения китайско-американских противоречий [12].

Япония, наряду с ЕС, уверенно заняла нишу «наиболее предпочтительной третьей силы». На формирование иного механизма взаимоотношений средних и малых государств ЮВА обращает внимание эксперт Сингапурского института (ISEAS-Yusof Ishak Institute) Хоанг Тхи Ха²⁰. Он выделяет широкое распространение в регионе министоронних отношений (*minilateralism*). Тем не менее в новых условиях политизации экономических отношений и связей в регионе государствам ЮВА еще предстоит найти баланс между развитием собственных экономик и угрозами полноценного втягивания в глобальное противостояние США и Китая. ●

¹⁷ Hoo Tiang Boon. China in an Age of Great Power Competition // IDSS Paper. RSIS. No. 021. March 7, 2023. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2023/03/IP23021.pdf> (accessed 14.03.2023).

¹⁸ Indo-Pacific Strategy of the United States // White House. February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 10.03.2023).

¹⁹ Pao J. Along with Xi's 'steel,' new premier offers US sugar // Asia Times. March 14, 2023. URL: <https://asiatimes.com/2023/03/along-with-xis-steel-new-premier-offers-us-sugar/> (accessed 14.03.2023).

²⁰ Hoang Thi Ha. Understanding the Institutional Challenge of Indo-Pacific Minilaterals to ASEAN // Contemporary Southeast Asia. Vol. 44, No. 1. April 2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/27130806> (accessed 14.03.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. СИМОНЕНОК А. В. Юго-Восточная Азия в борьбе с пандемией COVID-19. Региональные тренды и национальные особенности // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2022. № 2. С. 177–191. EDN **VTJTLT**.
2. РОГОЖИН А. А. Слияния и поглощения в ЮВА в условиях COVID-19 // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2021. Т. 1, № 1 (50). С. 47–54. EDN **UTLLCL**.
3. РЕГНОВСКИЙ В. И. Влияние внешних крупных игроков на региональную безопасность в Юго-Восточной Азии // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2022. № 2. С. 23–31. EDN **IRFUKX**.
4. АСНАРЬА, А. (2013). Power shift or paradigm shift? China's rise and Asia's emerging security order. *International Studies Quarterly*, 58(1), 158–173. <https://doi.org/10.1111/isqu.12084>.
5. КЕИ, К. (2018). The concept of “hedging” revisited: The case of Japan's foreign policy strategy in East Asia's power shift. *International Studies Review*, 20(4), 633–660. <https://doi.org/10.1093/isr/vix059>.
6. НЬЕР, Л. Н. (2013). Vietnam's hedging strategy against China since normalization. *Contemporary Southeast Asia*, 35(3), 333–368. <https://doi.org/10.1355/cs35-3b>.
7. LARIONOVA, M. (2020). Conceptualizing soft balancing beyond Cold War. What's changed, what remains the same. *Central European Journal of International and Security Studies*, 14(3), 65–91. <https://doi.org/10.51870/cejiss.a140303>.
8. KASSAB, H. S. (2023). What is the Indo-Pacific? Genealogy, securitization, and the multipolar system. *Chinese Political Science Review*. <https://doi.org/10.1007/s41111-023-00233-z>.
9. DYSON, K., & SEPOS, A. (2010). Differentiation as design principle and as tool in the political management of European integration. In K. Dyson, & A. Sepos (Eds.) *Which Europe?* (pp. 3–23). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230289529_1.
10. KÖLLNER, P., PATMAN, R. G., & KIGLICS, B. (2022). From Asia-Pacific to Indo-Pacific: Diplomacy in an Emerging Strategic Space. In R. G. Patman, P. Köllner, & B. Kiglics (Eds.) *From Asia-Pacific to Indo-Pacific. Global Political Transitions* (pp. 1–27). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-16-7007-7_1.
11. АСТАФЬЕВА Е. М. Юго-Восточная Азия и Южно-Тихоокеанский регион: актуальные проблемы развития – 2022 // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022. Т. 4, № 4 (57). С. 300–319. EDN **ISDOLQ**.
12. КОЛДУНОВА Е. В. Феномен трансформации отношений Японии и стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX – начале XXI вв.: опыт для России // *Японские исследования*. 2021. № 3. С. 102–116. EDN **UJKUOZ**.
13. ТОЛКАЧЕВ С. А., ТЕПЛЯКОВ А. Ю. Технологические и регуляторные циклы в мирохозяйственном развитии: историко-экономическая ретроспектива // *Terra Economicus*. 2022. Т. 20, № 3. С. 72–86. EDN **HQJONA**.
14. ВАСИЛЬЧЕНКО А. Д. Решоринг в странах Европейского Союза: причины, динамика, факторы // *Современная Европа*. 2020. № 4 (97). С. 191–200. EDN **JIMJPS**.
15. СМОРОДИНСКАЯ Н. В., КАТУКОВ Д. Д., МАЛЫГИН В. Е. Глобальные стоимостные цепочки в эпоху неопределенности: преимущества, уязвимости, способы укрепления резильентности // *Балтийский регион*. 2021. Т. 13, № 3. С. 78–107. EDN **LWKJXO**.
16. СТЕПАНОВ А. С. Политика США в Юго-Восточной Азии: от Б. Обамы до Дж. Байдена // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2022. № 8. С. 90–101. EDN **GUGOWB**.
17. ЕКМАН, А. (2022). *China and the battle of coalitions – The ‘circle of friends’ versus the Indo-Pacific strategy*. Publications Office of the European Union. <https://doi.org/10.2815/096067>.
18. КАНАЕВ Е. А. Китайское деловое присутствие в Юго-Восточной Азии как фактор развития инициативы «Пояс и Путь» // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022. Т. 1, № 1 (54). С. 30–43. EDN **WKCHRZ**.
19. KOLESNIKOVA, T. V. (2022). The impact of the US-China economic confrontation and the COVID-19 pandemic on the PRC's protectionist policies. In E. Kanaev (Ed.) *The Global Reset: Insights from Regions* (pp. 68–78). Advanced Solutions. <https://elibrary.ru/kywkzw>.
20. КОЛДУНОВА Е. В. Многостороннее сотрудничество в Восточной Азии перед новыми вызовами // *Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее – 2021* : сборник статей / под ред. К. А. Корнеева, А. Ч. Мокрецкого. Москва : Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2022. С. 43–50. EDN **TNBDDP**.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Михайленко Валерий Иванович – доктор исторических наук, профессор; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (профессор кафедры теории и истории международных отношений; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); valery.mikhaylenko@urfu.ru. AuthorID РИНЦ: 105931, ORCID: 0000-0002-2576-212X, ScopusID: 57200083413, ResearcherID: AAA-5964-2019.

Мамин Никита Викторович – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (ассистент кафедры теории и истории международных отношений; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); n.v.mamin@urfu.ru. AuthorID РИНЦ: 1123160, ORCID: 0000-0002-7995-7029.

Статья получена: 22.03.2023. Заключение рецензента: 25.03.2023. Принята к печати: 30.03.2023.

REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION IN THE POST-PANDEMIC PERIOD (USING THE EXAMPLE OF SOUTHEAST ASIA)

Mikhaylenko V. I.^a, Mamin N. V.^a

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

Relevance. In the post-pandemic period, not only connections are restored, but global chains are also undergoing reformatting under the influence of a greater than before political conjuncture. The research purpose is to identify and substantiate the influence of rivalry between the US and China in Southeast Asia on the global chains reformatting, to determine the possibilities for the parties to use "friendshoring", "circle of friends" and other tools as a veiled form of political pressure and its influence on the relocation and reorientation of global chains and also to establish a link between the effectiveness and sustainability of the measures taken and their impact on regional economy.

Methods and methodology. A number of interdisciplinary approaches are used: the theories of integration and regionalization, securitization, etc. Based on these approaches, the authors try to present a comprehensive view of the economic and political processes in the region, their relationship, and specifics in the post-pandemic period. Attention is drawn to the "spillover" of political decisions into the economy, how this affects trade and production chains, and how regional economies are trying to respond to these challenges.

Results. During the time of the pandemic, the problem of unreliable chips supplies was revealed. In the previous period, there was a shift in production to enterprises in Southeast Asia. On August 9, 2022, the US Chip and Science Act was passed with the goal of bringing the share of semiconductor production to 30% of global production by 2030. The United States declares a restriction of trade in components limited to trusted countries (friendshoring). China launches the "Global Security Initiative" (April 2022), where it emphasizes the commitment to "an open world economy", "ensuring the sustainability of global supply chains." China plans to increase its foundry capacity from 15% in 2020 to 24% by 2030. Southeast Asian countries are using regional integration to defend national interests in the face of political pressure from the rivalry between the US and China.

Conclusions and discussion. The pandemic has certainly affected the reformatting of global production and supply chains. The trend in favor of sustainability over efficiency will continue. This process is not linear and is adjusted by the national interests of both global actors and the states of Southeast Asia, which will defend their own interests through regional integration, minilateralism, and other forms of managing production and supply chains.

KEYWORDS: Southeast Asia, post-pandemic recovery, economic integration, regionalism, global supply chains, USA, China.

FOR CITATION: Mikhaylenko, V. I., & Mamin, N. V. (2023). Regional economic integration in the post-pandemic period (using the example of Southeast Asia). *Management Issues*, 17(3), 32-44. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-32-44>.

REFERENCES

1. SIMONENOK, A. V. (2022). Southeast Asia in the fight against Covid-19 pandemic. Regional trends and national specifics. *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istorii i Sovremennost*, (2), 177–191. <https://doi.org/10.31857/S086919080016662-5>.
2. ROGOZHIN, A. A. (2021). Mergers and acquisitions in Southeast Asia under Covid-19. *South East Asia: Actual Problems of Development*, 1(1), 47–54. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-047-054>.
3. REGNOVSKIY, V. I. (2022). The influence of external major players on regional security in Southeast Asia. *East Asia: Facts and Analytics*, (2), 23–31. <https://doi.org/10.24412/2686-7702-2022-2-23-31>.
4. ACHARYA, A. (2013). Power shift or paradigm shift? China's rise and Asia's emerging security order. *International Studies Quarterly*, 58(1), 158–173. <https://doi.org/10.1111/isqu.12084>.
5. KEI, K. (2018). The concept of “hedging” revisited: The case of Japan's foreign policy strategy in East Asia's power shift. *International Studies Review*, 20(4), 633–660. <https://doi.org/10.1093/isr/vix059>.
6. НИЕП, Л. Н. (2013). Vietnam's hedging strategy against China since normalization. *Contemporary Southeast Asia*, 35(3), 333–368. <https://doi.org/10.1355/cs35-3b>.
7. LARIONOVA, M. (2020). Conceptualizing soft balancing beyond Cold War. What's changed, what remains the same. *Central European Journal of International and Security Studies*, 14(3), 65–91. <https://doi.org/10.51870/cejiss.a140303>.
8. KASSAB, H. S. (2023). What is the Indo-Pacific? Genealogy, securitization, and the multipolar system. *Chinese Political Science Review*. <https://doi.org/10.1007/s41111-023-00233-z>.
9. DYSON, K., & SEPOS, A. (2010). Differentiation as design principle and as tool in the political management of European integration. In K. Dyson, & A. Sepos (Eds.) *Which Europe?* (pp. 3–23). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230289529_1.
10. KÖLLNER, P., PATMAN, R. G., & KIGLICS, B. (2022). From Asia-Pacific to Indo-Pacific: Diplomacy in an Emerging Strategic Space. In R. G. Patman, P. Köllner, & B. Kiglics (Eds.) *From Asia-Pacific to Indo-Pacific. Global Political Transitions* (pp. 1–27). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-16-7007-7_1.
11. ASTAFEVA, E. M. (2022). Southeast Asia and the South Pacific: Current development issues – 2022. *South East Asia: Actual Problems of Development*, 4(4), 300–319. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-300-319>.
12. KOLDUNOVA, E. V. (2021). Transformation of Japan's relations with Southeast Asia in the second half of the 20th – early 21st century: Russia, take note. *Japanese Studies in Russia*, (3), 102–116. <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-3-102-116>.
13. TOLKACHEV, S. A., & TEPLYAKOV, A. YU. (2022). Technological and regulatory cycles in world economic development: Historical and economic retrospective. *Terra Economicus*, 20(3), 72–86. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-3-72-86>.
14. VASILCHENKO, A. D. (2020). Reshoring in the European Union: Causes, dynamics, factors. *Contemporary Europe*, (4), 191–200. <https://doi.org/10.15211/soveurope42020191200>.
15. SMORODINSKAYA, N. V., КАТУКОВ, Д. Д., & МАЛЫГИН, В. Е. (2021). Global value chains in the age of uncertainty: Advantages, vulnerabilities, and ways for enhancing resilience. *Baltiiskii Region*, 13(3), 78–107. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-5>.
16. СТЕПАНОВ, А. С. (2022). The U.S. policy towards Southeast Asia: From Barack Obama to Joe Biden. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, (8), 90–101. <https://doi.org/10.31857/S2686673022080077>.
17. ЕКМАН, А. (2022). *China and the battle of coalitions – The ‘circle of friends’ versus the Indo-Pacific strategy*. Publications Office of the European Union. <https://doi.org/10.2815/096067>.
18. КАНАЕВ, Е. А. (2022). The Chinese business presence in Southeast Asia: The Belt and Road initiative perspective. *South East Asia: Actual Problems of Development*, 1(1), 30–43. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-030-043>.

19. KOLESNIKOVA, T. V. (2022). The impact of the US-China economic confrontation and the COVID-19 pandemic on the PRC's protectionist policies. In E. Kanaev (Ed.) *The Global Reset: Insights from Regions* (pp. 68–78). Advanced Solutions. <https://elibrary.ru/kywkzw>.

20. KOLDUNOVA, E. V. (2022). New challenges to the multilateral cooperation in East Asia. In K. A. Korneev, & A. Ch. Mokretsky (Eds.) *East Asia: Past, Present, Future – 2021* (pp. 43–50). Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.48647/IFES.2021.96.69.004>.

AUTHORS' INFORMATION:

Valeriy I. Mikhaylenko – Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (professor of the Department of Theory and History of International Relations; 19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); valery.mikhaylenko@urfu.ru. RSCI AuthorID: 105931, ORCID: 0000-0002-2576-212X, ScopusID: 57200083413, ResearcherID: AAA-5964-2019.

Nikita V. Mamin – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (assistant of the Department of Theory and History of International Relations; 19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); n.v.mamin@urfu.ru. RSCI AuthorID: 1123160, ORCID: 0000-0002-7995-7029.

Article received 03/22/2023; reviewed 03/25/2023; accepted 03/30/2023.